

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 464–471

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 464–471

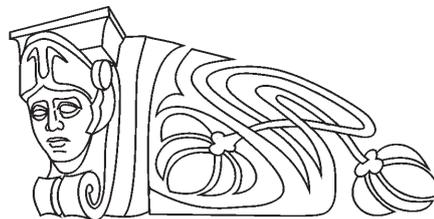
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-464-471>

Научная статья

УДК 327.5

Роль Турции в сирийском конфликте: анализ работ российских авторов

С. С. Третьяк

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Третьяк Сергей Сергеевич, аспирант кафедры политических наук и международных отношений, Sergey280497@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9658-4762>

Аннотация. Статья посвящена анализу тематических блоков в отечественных научных публикациях об участии Турции в сирийском конфликте. Автор выделяет следующие тематические блоки: исторический характер сирийско-турецких отношений, «курдский фактор» турецкой политики, российско-турецкие отношения и отношения между Турцией и США.

Ключевые слова: Турция, Сирия, США, курды, конфликт, кризис, борьба, территория, угроза

Для цитирования: Третьяк С. С. Роль Турции в сирийском конфликте: анализ работ российских авторов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 464–471. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-464-471>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of Turkey in the Syrian conflict: An analysis of the works of Russian scholars

S. S. Tretyak

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia

Sergey S. Tretyak, Sergey280497@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9658-4762>

Abstract. The article is devoted to the analysis of thematic frames within the Russian scholarly publications on Turkey's participation in the Syrian conflict. The author highlights the following thematic blocks: the historical nature of Syrian-Turkish relations, the "Kurdish factor" of Turkish policy in the Syrian conflict, Russian-Turkish relations, relations between Turkey and the United States.

Keywords: Turkey, Syria, the USA, Kurds, conflict, crisis, struggle, territory, threat

For citation: Tretyak S. S. The role of Turkey in the Syrian conflict: An analysis of the works of Russian scholars. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 464–471 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-464-471>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начавшийся в начале второй декады XXI в. сирийский кризис быстро приобрёл статус регионального. Гражданские столкновения внутри Сирийской Арабской Республики (САР) не могли не затронуть внешнеполитические интересы её северо-восточного соседа – Турции. Несмотря на «оттепель» в отношениях двух стран на рубеже десятилетий, долгая история сложных двусторонних отношений взяла верх. Разные подходы к вопросам политического устройства и безопасности в регионе, политические идеологии, неразрешённые территориальные споры, неурегулированный водный вопрос и прочее не позволили Турции остаться в стороне от, казалось бы, внутренних сирийских событий. Особую роль в вовлечении Турции в конфликт сыграли «курдский вопрос» и амбициозные внешнеполитические стремления турецких лидеров. Всё это предопределило актив-

ное вовлечение Турции в сирийский конфликт, что нашло своё отражение в работах российских исследователей. Россия имеет свои геополитические интересы в регионе, а потому события в Сирии находятся в центре внимания как политиков, так и экспертов. Аналитическое осмысление сирийских событий и роли в них Турции в работах отечественных востоковедов позволяет увидеть акценты и приоритеты российской политики в регионе Ближнего Востока.

Целью статьи является анализ ключевых тематических блоков в отечественных научных публикациях об участии Турции в сирийском конфликте. Объектом работы выступает военно-политическое участие Турции в сирийском кризисе 2011–2020 гг., а предметом – его осмысление в работах российских экспертов. В рамках исследования было проанализировано 18

публикаций отечественных авторов по данной тематике, опубликованных в научных журналах в период 2012–2020 гг.

Статья состоит из нескольких частей. В первой части затрагивается вопрос отражения в отечественной литературе исторических взаимоотношений Сирии и Турции. Вторая часть работы посвящена «курдскому фактору» участия Турции в сирийском конфликте. В третьей части представлены выводы исследователей о характере взаимоотношений России и Турции в контексте кризиса. Наконец, четвертая часть содержит основные тезисы американо-турецких отношений в рамках сирийского конфликта.

Исторический контекст сирийско-турецких отношений

История турецко-сирийских отношений в контексте участия Турции в сирийском конфликте привлекает немалое внимание отечественных авторов. Пожалуй, общим моментом их работ является вывод об исторически сложном характере этих отношений. Тем не менее, непростые, порой силовые сценарии этих отношений не помешали странам достичь согласия по многим актуальным вопросам. Многие авторы сходятся во мнении, что пиковой точкой консенсуса стала первая декада XXI в., а именно годы накануне событий «арабской весны» (2011)¹.

Исследователи отмечают, что непростой характер отношений между Сирией и Турцией уходит корнями в эпоху распада мирового колониального порядка после окончания Первой мировой войны. Проблема заключалась в том, что после распада Османской империи в 1921 г. Франция передала Турецкой Республике часть земель Киликии (области на юго-востоке Малой Азии), которую сирийцы считают своей этнической территорией². Кроме того, некоторые авторы отмечают, что идеологически Турция в XX в. разительно отличалась от других мусульманских стран Ближнего Востока. Её членство в НАТО, а также декларируемая приверженность западным идеям и ценностям не могли не создавать точек напряжения между ней и другими странами региона³.

Важную часть в анализе истории турецко-сирийских отношений занимает вопрос водопользования крупнейших рек в долине древнего Междуречья. Проблема распределения водных ресурсов рек Тигр и Евфрат, верховья которых находятся на территории Турции, неоднократно оказывалась в повестке дня двусторонних отношений. Некоторые исследователи отмечают чисто инструментальный характер фактора возможного нажима на Сирию со стороны Турции. Как пишет А. Фролов, «построенная в 1989 г. Турцией “дамба Атагюрка” напугала сирийцев именно как возможный рычаг нажима на Сирию. До её постройки в Сирию попадало 850 м³ воды в секунду, а с на-

чалом её постройки турки обязались поставлять как минимум 500 м³, что заметно уменьшило поступление воды и в итоге стало причиной многих экономических и сельскохозяйственных проблем в Сирии»⁴.

Однако самым большим камнем преткновения в отношениях двух стран был вопрос поддержки Сирией курдского движения, в особенности после 1974 г., когда была создана Курдская рабочая партия (КРП). Подробно о самом курдском вопросе в плоскости взаимоотношений Турции и Сирии, а также о том, какую роль он сыграл в развитии событий сирийского кризиса, будет сказано ниже. Здесь же отметим, что многие отечественные аналитики писали о манипулировании Сирией «курдским фактором» как козырем в решении многих спорных вопросов⁵. Дело в том, что в Сирии, в отличие от Турецкой Республики, курдский вопрос не стоял настолько остро. Этим и пользовались в Дамаске, поддерживая деятельность КРП, а также обеспечивая её членам дипломатическое прикрытие. В 1998 г. напряжение едва не дошло до открытого столкновения, однако всё закончилось переговорами и мирным урегулированием.

Несмотря на сложности в отношениях Турции и Сирии, начало XXI столетия ознаменовалось явным потеплением. Некоторые авторы отмечают, что конец прошлого века принёс Сирии немало неприятностей. Одним из наиболее значимых из них стало свержение режима Саддама Хусейна в соседнем Ираке и размещение на его территории военного контингента международных коалиционных сил (их основу составляли ВС США и Великобритании). В свою очередь, оставался не решённым конфликт с Израилем, а с дружественным Ираном не было государственной границы. Фактическое окружение Сирии «недружелюбными» государствами вынуждало её идти на сближение с Турцией.

Официальные визиты президентов двух стран в 2004–2005 гг. значительно укрепили почву в направлении стабилизации турецко-сирийской дипломатии. Остро для обеих сторон стоял вопрос благоустройства послевоенного Ирака. Высказывалась и совместная позиция о неисполнении Израилем резолюций ООН и необходимости деокупации арабских территорий. Данный момент детально описывается в трудах некоторых авторов, в частности В. А. Надеина-Раевского, и позиционируется как важная веха в смене геополитических ориентиров Турецкой Республики после прихода к власти Партии справедливости и развития во главе с Р. Эрдоганом⁶.

Тем не менее, достигнутое сближение двух государств было перечёркнуто событиями «арабской весны». Турция всё больше примеряла на себя роль регионального лидера, замещая элементы «мягкой силы» «твёрдой». Это вполне соответствовало духу новой турецкой идеологии, выращенной на тезисах неоосманства А. Даву-

тоглу и его, пожалуй, главного научного труда «Стратегическая глубина» (тур. «Stratejik derinlik»). Гражданский кризис в Сирии открывал для Турции много возможностей, которые она, как выяснилось, не собиралась упускать.

«Курдский фактор» участия Турции в сирийском конфликте

Вопрос сирийских курдов, как один из главных триггеров участия Турции в сирийском конфликте, занимает весомое место в отечественных научных трудах. Как указывают ряд авторов, сирийский кризис обнажил многие страхи турецкой политической элиты перед угрозой «реального Курдистана» и возможных последствий его создания. Как отмечает О. И. Жигалина, с самого начала гражданского конфликта в Сирии курды, этническая обособленность которых долго не признавалась официально в Дамаске, определили чёткий вектор на борьбу за отстаивание своих интересов в стране. Север Сирии стал оплотом курдского сопротивления как режиму Б. Асада, так и возросшей позже угрозе влияния террористических групп в регионе. Разумеется, развивающееся таким образом положение дел не могло не обеспокоить турецкую политическую верхушку⁷.

Если не затрагивать временной отрезок до «арабской весны», то многими российскими исследователями принято разделять турецкую политику в отношении сирийских курдов на несколько условных этапов. Первый из них затрагивает первые годы от начала конфликта и определяется ставкой Турции на быстрое свержение правительства Б. Асада. Поддержка сирийской оппозиции, а также консенсус с западными лидерами по данному вопросу предполагали быстрое свержение правящего режима Сирии. Правление Б. Асада было названо авторитарным, а ему самому предложили покинуть свой пост в угоду демократическим преобразованиям в стране. Ряд этих мер предполагал скорое установление в стране правления лояльной Турции оппозиционной политической верхушки⁸. Как следствие – курдский вопрос в Сирии становился бы более управляемым и не представлял значительной угрозы турецкому суверенитету. Тем не менее, режим Б. Асада при поддержке России и Ирана продемонстрировал значительную военную и политическую стойкость. В то же время на севере страны росло влияние курдской партии «Демократический союз» (PYD, курд. *Partiya Yekîtiya Demokrat*), которую часто аффилировали с Рабочей партией Курдистана.

Важной вехой кризиса многими авторами определяется рост террористических организаций, пришедших в Сирию из политически нестабильного центрального Ирака. Крупнейшей из них стало Исламское государство (ДАИШ, организация запрещена в России). Именно война с террористическими группами усилила позицию сирийских курдов. «Фактически курдские

военные силы на территории Сирии и Ирака на протяжении последних лет оставались наиболее эффективным противником в борьбе с региональным терроризмом...», – утверждает А. Г. Геворгян⁹. Эффективность отрядов народной самообороны (YPG, курд. *Yekîneyên Parastina Gel*) и отрядов женской самообороны (YPJ, курд. *Yekîneyên Parastina Jin*), вооружённого крыла партии «Демократический союз» всё больше привлекала внимание Анкары. Ранний этап конфликта охарактеризовался достаточно сдержанной позицией Турции по отношению к «Союзу». Это, в свою очередь, шло в контексте турецких попыток примирительной политики с РПК. В 2013 г. произошла встреча Р. Эрдогана с лидером «Демократического союза» Салихом Муслимом для обсуждения возможностей урегулирования сирийского кризиса.

Тем не менее, внешнее согласие продолжалось недолго. Объявленная зимой 2014 г. курдская автономия на севере Сирии, в состав которой входили три отделённых друг от друга курдских анклавов – Кобани, Джазира и Африн, привела к изменениям в турецкой политике по отношению к Сирии. Объединение трёх кантонов, пусть и формальное, стало реальностью, и перед турецкой властью вновь замаячила угроза «реального Курдистана» у самых границ, что, как отмечает Э. Т. Мехдиев, несомненно, привело бы к новому политическому кризису в стране¹⁰. Партия «Демократический союз» была объявлена Турцией террористической, росло напряжение и в отношениях с РПК. Многие авторы характеризуют именно данный период как определяющий в политике Турецкой Республики по курдскому вопросу в сирийском кризисе, когда главным противником стал не антидемократический режим Б. Асада, а вооружённые формирования сирийских курдов¹¹.

В немалой степени ситуация обострилась после летних терактов 2015 г. в Турции, в организации которых Анкара обвинила РПК. Параллельно стали звучать турецкие заявления о том, что Турция не допустит создания каких-либо государств у своих границ¹². Рост опасения в Турции вызвало создание при поддержке США военного политэтнического союза «Силы демократической Сирии», значительную роль в котором играли курды.

Расширение зоны влияния сирийских курдов на севере страны, а также нереализованная идея турецко-сирийской буферной зоны инспирировали проведение серии крупных военных операций ВС Турции на территории САР. Многие исследователи определяют их главной целью недопущение фактического объединения трёх курдских анклавов в Сирии в единую зону. Причём отмечается схожесть интересов Турции и Сирии в данном вопросе¹³. Переход Турции к силовым мерам по реализации сирийской политики в немалой степени был вызван насущной необходимостью разрешения проблемы сирийских беженцев. В целом, сирийским беженцам на территории Турции уде-

лено немало внимания в работах отечественных авторов. Многие из них указывают на актуальность для турецкого руководства решения вопроса беженцев как с позиции сугубо экономических издержек, так и роста социального напряжения внутри турецкого общества¹⁴.

В целом, курдский фактор определяется многими российскими авторами как определяющий региональную политику Турции¹⁵. Актуализированный в последнее десятилетие курдский вопрос уже не может иметь чисто сирийский или иракский характер. Турция, очевидно, рассматривает данный вопрос системно и соразмерно определяет дальнейший ход собственных действий. В Анкаре понимают всю опасность создания независимого Курдистана на территории САР и его дальнейшее возможное объединение с уже фактически независимым Иракским Курдистаном. Таким образом, создавая так называемую буферную зону вдоль турецко-сирийской границы, Турция стремится решить сразу несколько насущных задач: купировать угрозу объединения сирийских курдов путём создания возможного плацдарма для реализации собственных силовых мер, с одной стороны, а также отчасти решить вопрос с сирийскими беженцами, с другой. Всё это определяет позицию Турции и по сей день.

Российско-турецкие отношения в контексте сирийского конфликта

30 сентября 2015 г. Вооружённые силы Российской Федерации по приглашению руководства Сирийской Арабской Республики были введены на территорию страны. Официальным предлогом стала необходимость поддержки режима Башара Асада в борьбе с терроризмом¹⁶. Именно эта дата определяется во многих российских исследованиях в качестве нового этапа российско-турецких отношений. Как было сказано ранее, сирийский кризис для Турции стал не просто рядовым конфликтом в соседней стране. Некоторые авторы окрестили его «гордиевым узлом» общемировой тенденции по проверке на прочность прежнего геополитического порядка, в котором сошлось немало сторон и интересов¹⁷. Турция в данном случае не стала исключением. Историческая память о части потерянных приграничных территорий, населённых этническими туркменами, опасность проекта «Сирийского Курдистана» в совокупности со стремительно возрождающимися прошлыми османскими неоимперскими амбициями актуализировали для Турции кризис в Сирии. Безусловно, вмешательство России усложнило для неё поддержку сил по свержению режима Б. Асада и установлению лояльного правительства в Сирии. Отношения между Россией и Турцией обрели всё больше натянутый характер.

В данном контексте многие авторы особо выделяют инцидент со сбитым турецкими ВВС 24 ноября 2015 г. российским штурмовиком

СУ-24 на территории САР. В. Путин назвал этот акт «ударом в спину», который могли нанести только «пособники террористов»¹⁸. Турецкие власти отказались приносить извинения, аргументируя это тем, что самолёт, по их данным, не пересёк государственную границу Турции. Это сильно осложнило российско-турецкий диалог. Был принят ряд ответных российских мер: был приостановлен безвизовый режим, введены экономические ограничения, приостановлены некоторые двусторонние контакты и т. д. Часть исследователей полагают, что это была пиковая точка в отношениях, когда страны оказались наиболее близки к началу вооружённого конфликта¹⁹.

Тем не менее, диалог возобновился в конце июня 2016 г., когда президент Турции Р. Эрдоган направил послание В. Путину. «Эрдоган выражает глубокое сожаление по поводу произошедшего и подчеркивает готовность делать всё возможное для восстановления традиционно дружественных отношений между Турцией и Россией, а также совместно реагировать на кризисные события в регионе, бороться с терроризмом», – отмечал пресс-секретарь президента РФ Д. Песков²⁰. Российский МИД заявил о готовности к возобновлению совместной работы с Турцией по сирийскому урегулированию.

Важно отметить, что в ряде отечественных работ есть попытка периодизации российско-турецких отношений в контексте сирийского кризиса. Условно их можно поделить на два этапа: процесс стремительного ухудшения, пиковой точкой которого стал инцидент с российским самолётом, и последующий процесс их нормализации, когда началась реальная совместная работа по сирийскому направлению²¹.

Турецкий интерес по сирийскому урегулированию после 2016 г. ряд авторов объясняют вероятным осознанием бесперспективности борьбы против режима Б. Асада, а также угрозами с двух фронтов: террористического и курдского. В данном случае подчёркивается значение именно курдского фактора. Проявив свою эффективность в борьбе с террористическими группировками в Сирии и, как следствие, заручившись поддержкой США, сирийская курдская партия «Демократический союз» (с подконтрольными ей военными формированиями) становилась реальной силой у юго-западных границ Турции. В контексте данных событий авторы и отмечают российско-турецкое сотрудничество по урегулированию сирийского кризиса²².

Знаковым событием в этом процессе называется встреча президентов России и Турции в Сочи 22 октября 2019 г. В меморандуме «О взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой» говорилось о единстве и неделимости Сирии, совместной борьбе с терроризмом и сепаратизмом на территории страны. Отдельным блоком документа стали положения об обеспечении национальной безопасности Тур-

ции. Более того, Российская Федерация обязалась содействовать реализации Аданского соглашения между Сирией и Турцией по противодействию РПК. Турция получала широкие возможности и гарантии маневра в борьбе против сирийских курдов у своих границ. Были подписаны дорожные карты между российскими и турецкими ВС по разграничению зон патрулирования, установлению пропускных контрольных пунктов, вопросов гуманитарного значения и т. д.

Тем не менее, возвращение к реализации Турцией Аданского соглашения трактуется рядом отечественных авторов с немалой долей скепсиса. В первую очередь, встаёт вопрос о контроле за правомерностью исполнения его положений. Главным образом, говорится о пункте, который вводит запрет на нарушение границ друг друга. Сирия не раз заявляла, что своими вторжениями на территорию САР Турция прямо нарушает условия договора²³. К его соблюдению призывал и МИД РФ. Само включение России в процесс реализации Аданского договора вызывает у авторов ряд вопросов. Многие сходятся во мнении, что это продиктовано интересом России в выстраивании тесных дружественных отношений с Турцией. В то же время Москва при поддержке Ирана стремится сохранять взаимопонимание с режимом Б. Асада. Отсюда следует курс на маневрирование между двумя сторонами с целью недопущения их крупной конфронтации. Важным моментом также стала совместная российско-турецкая инициатива по привлечению за стол переговоров представителей сирийской оппозиции.

На сегодняшний день взаимодействие России и Турции в Сирии можно рассматривать в плоскости сотрудничества. Тесные межведомственные контакты, обмен разведанными, совместные плановые патрулирования и прочее говорят о глубоком взаимодействии сторон. Тем не менее, некоторые авторы считают ошибочными тезисы об искреннем и дружественном партнёрстве. Если смотреть на проблему шире, становится явным прагматичный подход в вопросе урегулирования гражданского конфликта в Сирии. И Российская Федерация, и Турция стремятся зарекомендовать себя в качестве лидера в регионе, с которым нужно считаться. Каждое государство преследует собственные цели на сирийской земле. Для России, в первую очередь, это фактор военного присутствия, который должен использоваться как весомый аргумент в целях реализации её политики в регионе (в том числе и войне энергоносителей, география которых выходит далеко за пределы Ближнего Востока). Для Турции это своего рода экзамен, где Анкара стремится показать прочим государствам свои возможности. Более того, в Сирии Турция столкнулась не только с имиджевыми рисками, но и с реальными угрозами. Фактор терроризма, а также актуализировавшийся курдский вопрос вынуждают политических лидеров Турции идти

на более уверенные шаги в целях достижения собственных интересов, а также в вопросах защиты государственного суверенитета.

Отношения между Турцией и США в рамках сирийского кризиса

Ещё одним важным блоком в работах исследователей выступает анализ характера американо-турецкого сотрудничества в контексте сирийского кризиса. Возросшее число противоречий между Турцией и США по вопросам Сирии в последние годы объясняется характерным изменением целей, которые преследует каждая сторона. Исследователи сходятся во мнении, что заметным водоразделом этих отношений стал период 2013–2014 гг.

Важно отметить, что начало сирийского конфликта ознаменовалось тесным сотрудничеством Турции и США. В обеих столицах внимательно наблюдали за происходящими протестами на улицах сирийских городов. Рост гражданского противостояния в Сирии неизбежно угрожал обострением напряжённости в северных, приграничных с Турцией районах, активно заселённых этническими курдами. Сам по себе курдский вопрос, как сказано ранее, являлся старой и очень болезненной темой для турецкой власти. Развязка сирийского кризиса для сирийских курдов могла быть самой разной, вплоть до обретения статуса автономии, а при определённых обстоятельствах – создания независимого Курдистана под боком у Турции. Это, в свою очередь, грозило стать прецедентом и знаком для всех близлежащих курдских анклавов в Ираке, Иране и Турции. Такой сценарий побуждал Турцию делать особую ставку на сирийскую оппозицию. Так же рассуждали и США, которые видели в отстранении Б. Асада и приходе к власти лояльных им сил решение многих собственных внешнеполитических проблем в регионе. К таким можно отнести: прекращающуюся арабо-израильское противостояние, вопросы в отношении ядерной программы Ирана, поддержка Сирией движения ХАМАС и партии «Хезболла» (признанные в США террористическими). Совместные заявления Б. Обамы и Р. Эрдогана о потере доверия к сирийскому правительству и требования ухода Б. Асада с поста Президента Сирийской Республики свидетельствовали о наличии консенсуса между двумя странами. Некоторые авторы делают акцент на характерной общности турецко-американских интересов в первые годы сирийского конфликта²⁴.

Тем не менее, последующие события показали всю непрочность сделанных ранее заявлений. Проблема заключалась в том, что в 2012 г. правительство Р. Эрдогана выступило с инициативой создания специальной «безопасной зоны» в северных районах Сирии. Это обеспечивало решение для Турции сразу нескольких задач: частичную нейтрализацию курдской угрозы, об-

легчение тяжёлой гуманитарной ситуации вокруг сирийских беженцев, возможность предметной консолидации сирийской оппозиции. Однако несмотря на внешние выгоды, данное предложение не нашло активной поддержки в Вашингтоне. Причину тому некоторые авторы усматривают в опасении со стороны США и турецкой стороны явного нарушения сирийского суверенитета. Это, в свою очередь, грозило прямым военным столкновением с лояльными Б. Асаду сирийскими вооружёнными силами и обвинением в грубом нарушении международного права. Ситуация отягощалась регулярными утечками в прессу фактов прямой военной поддержки сирийской оппозиции со стороны Вашингтона и Анкары²⁵.

Важной проверкой осложняющихся американо-турецких отношений стали требования Турции о консолидированных действиях по защите одного из членов НАТО после нескольких инцидентов, связанных со взрывами артиллерийских боеприпасов, выпущенных с территории Сирии. Турция начала усиливать группировку войск у границ с Сирией. Ответом со стороны альянса стало согласие на размещение в начале 2013 г. нескольких американских батарей зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» вблизи турецко-сирийской границы²⁶.

Некоторые исследователи обращают внимание на отсутствие у администрации Б. Обамы в то время чёткой «дорожной карты» по разрешению сирийской проблемы. Отмечается уход от турецких вопросов по конкретизации мер в сторону важности всесторонней солидарности с сирийской оппозицией в их борьбе с режимом Б. Асада. Б. Обама, в частности, заявил: «Не существует магической формулы, которая помогла бы справиться с необычайно жестокой и трудной ситуацией, какая [сложилась] в Сирии»²⁷. Ситуацию осложнили данные американских спецслужб о фактах попадания американской военной помощи в руки «нелояльно» настроенных в отношении США группировок в Сирии. Ответственность за это возлагалась на разведку Турции²⁸. В то же время, как уже описывалось ранее, важным сигналом для Турции стало заявление сирийских курдов о создании временной администрации на северо-востоке Сирии. Турецкие власти обвинили курдскую партию «Демократический союз» в умышленном разделе страны. Таким образом, как отмечала А. И. Алиева, «в 2014 г. идея недопущения образования курдской автономии на границе с соседней страной закрепились в качестве основы сирийской политики Турции. При этом Анкара продолжала настаивать на отстранении Б. Асада от власти. США оставались солидарными с турецким руководством в данном вопросе. Тем не менее, и американский подход к “сирийской проблеме” успел претерпеть изменения, что было связано с появлением новых угроз и рисков в Сирии, касавшихся отныне не только региональной, но и глобальной безопасности»²⁹.

Во многих исследованиях 2014 год называется ключевой точкой не только американо-турецкого взаимодействия в сирийском конфликте, но и самого кризиса в целом. Продолжительная политическая нестабильность в Ираке, а также затягивающийся гражданский конфликт в САР привели к беспрецедентному росту экстремистских и террористических группировок на Ближнем Востоке. Самой крупной и боеспособной из них стала запрещённая на территории РФ организация «Исламское государство». Исследователи подчёркивают, что возникшая перед США угроза распространения терроризма за пределы Ближнего Востока вынудила их пойти на планомерный пересмотр собственных целей и определение новых главных противников в сирийском конфликте. Некоторые авторы отмечают, что это вовсе не означало примирения или вынужденного сближения с правительством Б. Асада, а было нацелено лишь на борьбу с новыми быстро растущими угрозами³⁰.

Формирование международной антитеррористической коалиции во главе с США не вызвало бурного оживления в Анкаре. Причиной тому стало отсутствие чёткого ответа со стороны Соединённых Штатов по вопросу создания «безопасной зоны». Очевидно, что этот вопрос не стоял на повестке дня в овальном кабинете. Противоречия усиливались ещё и тем, что США чётко обозначили свой интерес в привлечении вооружённых формирований сирийских курдов в лице партии «Демократический союз» и «Сил народной самообороны», которых Анкара считала крылом Рабочей партии Курдистана. Сотрудничество США и сирийских курдов в борьбе против террористических организаций вызывало немалый скепсис в Анкаре, продолжавшей поддерживать и делать ставку на Свободную сирийскую армию (ССА)³¹. Тем не менее, некоторые исследователи утверждают, что сирийские курды оказались более эффективным союзником США в борьбе против распространения террористической угрозы в Сирии, чем ССА³².

Ситуация осложнилась после трагических событий лета 2015 г. Теракты в Турции, ответственность за которые возлагалась на ИГ, вынудили правительство Р. Эрдогана пересмотреть основополагающие цели в сирийском конфликте. Наряду с борьбой с Рабочей партией Курдистана и «Силами народной самообороны» стала борьба против террористической угрозы, в первую очередь – в лице Исламского государства. Таким образом, Турция была вынуждена присоединиться к антитеррористической коалиции и предоставить для её нужд авиабазу Инджирлик. Однако она категорически выступила против поддержки США объединения вооружённой оппозиции «Демократические силы Сирии» (ДСС), к которым присоединились СНС, а также часть других группировок. В данном вопросе важно отметить, что именно усиление всестороннего сотрудничества

США с вооружёнными группировками сирийских курдов определяется как крайне болезненная страница американо-турецких отношений в ходе сирийского конфликта. «Власти Турции были уверены, что отряды самообороны курдов (ОСК) являются крылом РПК, и поэтому с негодованием встречали новости об усилении взаимодействия США и сирийских курдов. Посчитав, что придерживаться нейтралитета больше нельзя, власти Турции решились на проведение военной операции в Сирии, получившей название “Щит Евфрата” и направленной против ИГ и групп сирийских курдов, которые, по убеждению турецких властей, угрожают суверенитету Турции...»³³.

Как уже было сказано, с середины 2016 г. Турция переходит к более решительным мерам по борьбе с РПК и аффилированными к ней организациями и ИГ. Операции «Щит Евфрата» (2016), «Оливковая ветвь» (2018) и «Источник мира» (2019), проводимые совместно с дружественной Турции вооружённой оппозицией, а также при ограниченной военной поддержке США, отчётливо говорят о том, что Турция взяла вопрос создания буферной зоны на севере Сирии в свои руки. Очевидно, что стремление Турции к недопущению объединения курдских анклавов в Сирии будет и дальше подталкивать её к решительным действиям.

Что касается нынешних отношений между Турцией и США, то они далеки от того состояния, которое было на ранних этапах сирийского конфликта. Угроза распространения экстремистских и террористических организаций на территории Сирии лишь усугубила разногласия. Расстановка сил на военно-политической карте Сирии потребовала от обеих сторон скорых мер и радикального пересмотра собственных целей и оппонентов. То же самое происходило и в выборе союзников. «Борьба с угрозами безопасности, в первую очередь на национальном уровне, стала определяющим фактором в их взаимодействии. Именно потому проблема выстраивания взаимоотношений с курдским населением Сирии стала основным камнем преткновения...»³⁴.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что заинтересованность отечественных авторов в проблематике сирийского кризиса, а также участия в нём Турции, объясняется рядом факторов. Во-первых, тем, что он изначально носил не локальный характер. В нём пересеклись интересы большого числа глобальных и региональных акторов. Конфликт затронул вопросы не только внутренней ситуации в Сирийской Арабской Республике, её устройства и будущего, но и вопросы безопасности и баланса сил в Ближневосточном регионе, международной борьбы с терроризмом, энергетики и гуманитарной политики. Во-вторых, интерес объясняется непосредственным вовлечением в сирийский конфликт России, которая имеет в регионе свои геополитические интересы. Эти факторы предопределили специфику выделенных

в статье тематических блоков в работах российских экспертов: история турецко-сирийских отношений, «курдский фактор», российско-турецкие и американо-турецкие отношения.

Некоторые авторы полагают, что сирийский кризис стал не только важным фактором региональных процессов, но и серьёзным испытанием существующего геополитического порядка. Продемонстрированные Западом непоследовательность и неспособность в политике реагирования на новые вызовы на Ближнем и Среднем Востоке ставят под сомнение его прежний статус неоспоримого гегемона в регионе. Одновременно это открывает возможности для усиления позиций в регионе новых акторов, в том числе России. Более того, ряд авторов приходит к выводу, что при сохранении текущего положения дел данный процесс будет усиливаться и усложняться, встречая новые потенциальные угрозы и вызовы, влияя на будущее соотношение сил как региона, так и мира в целом.

Примечания

- 1 См.: Кулуева С. Н. Политические отношения между Сирией и Турцией в первой половине XX в. // Молодой ученый. 2016. № 5 (109). С. 547–549. URL: <https://moluch.ru/archive/109/26485/> (дата обращения: 18.03.2021).
- 2 Там же.
- 3 См.: Сулейманов А. В. Турецко-израильские отношения : история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2014. № 3. С. 167.
- 4 Фролов А. В. Сирия : метаморфозы ближневосточной политики // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1 (48). С. 121.
- 5 См.: Ануфриенко С. В., Бостанов М. Э. «Курдская политика» Турецкой Республики в контексте функционала регионального узла глобальной системы управления. URL: <http://os.x-pdf.ru/20politologiya/738891-1-docent-kafedri-konfliktologii-svyazey-obschestvennostyuzhurnalistiki.php> (дата обращения: 18.03.2021).
- 6 См.: Надеин-Раевский В. А. Турция на пороге непростого выбора // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 110–125.
- 7 См.: Жигалина О. И. Ситуация в этническом Курдистане и перспективы ее развития // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 47–53.
- 8 См.: Рудницкий А. Ю., Аватков В. А., Сбитнева А. И. Конфликтное взаимодействие Турции и Сирии : история и современность // Конфликтология / nota bene : [сетевое издание]. 2020. № 2. С. 29. URL: https://e-notabene.ru/knt/contents_2020_2.html – Дата публикации: 04.09.20. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2020.2.33629>
- 9 См.: Геворган А. Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2019. Т. 19, № 4. С. 620. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624>

- ¹⁰ См.: *Мехдиев Э. Т.* Неоосманизм в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 36. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39>
- ¹¹ См.: *Ануфриенко С. В., Бостанов М. Э.* Указ. соч.
- ¹² См.: Эрдоган : «Мы не допустим создания новых государств у своих границ». URL: <https://haqqin.az/news/112660> (дата обращения: 18.03.2021).
- ¹³ См.: *Ануфриенко С. В., Бостанов М. Э.* Указ. соч.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: *Геворгян А. Г.* Указ. соч.
- ¹⁶ См.: Путин : Россия ввела войска в Сирию, чтобы не допустить террористов к своим границам. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4124950> (дата обращения: 18.03.2021).
- ¹⁷ См.: *Кугай А. И.* Гордиев узел Сирийского конфликта // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 37.
- ¹⁸ См.: «Удар в спину» : заявления Владимира Путина об инциденте с Су-24. URL: <https://ria.ru/20151124/1327592353.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ¹⁹ См.: *Ирхин А. А., Нелина Л. П.* Россия и Турция на пороге 2018 года : «Большая игра» на Ближнем и Среднем Востоке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия, Политология, Культурология. 2018. Т. 4 (70), № 1. С. 115.
- ²⁰ Эрдоган извинился перед Путиным за сбитый Су-24. URL: <https://tass.ru/politika/3407975> (дата обращения: 23.03.2021).
- ²¹ См.: *Рогов И. И., Фарапонова Т. К.* Сирийский фактор в российско-турецких отношениях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 210. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-208-215>
- ²² См.: *Большаков А. Г., Мансуров Т. З.* Взаимодействие Ирана, России и Турции в сирийском конфликте и перспективы его урегулирования // Политическая экспертиза : ПОЛИТЕКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 308.
- ²³ См.: Дамаск обвинил Эрдогана в неверной трактовке Аданского соглашения. URL: <https://ria.ru/20200205/1564290324.html> (дата обращения: 23.03.2021).
- ²⁴ См.: *Смольняк И. В.* Турция в либеральных конструкциях США в начале XXI в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 123.
- ²⁵ См.: *Шлыков П. В.* Трансформация роли Турции в борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке // Вестник Московского университета. Серия 13 : Востоковедение. 2018. № 2. С. 63.
- ²⁶ См.: Военные США прибыли в Турцию для службы в расчетах ЗРК «Пэтриот». URL: <https://ria.ru/20130104/917111129.html> (дата обращения: 28.03.2021).
- ²⁷ См.: Press Conference by President Obama and Prime Minister Erdogan of Turkey. May 16, 2013. The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/05/16/jointpress-conference-president-obama-and-prime-minister-erdogan-turkey> (дата обращения: 28.03.2021).
- ²⁸ См.: *Рогов И. И., Фарапонова Т. К.* Указ. соч.
- ²⁹ *Алиева А. И.* «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2018. Т. 18, № 4. С. 798. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805>.
- ³⁰ См.: *Васецова Е. С.* Борьба международной коалиции во главе с США с «Исламским государством» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru>. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-1-858>
- ³¹ См.: *Смольняк И. В.* Указ. соч.
- ³² См.: *Свистунова И. А.* В поисках новой модели : отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 57. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-53-61>
- ³³ См.: Дамаск обвинил Эрдогана в неверной трактовке Аданского соглашения.
- ³⁴ Там же.

Поступила в редакцию 12.05.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 25.05.2021
Received 12.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 25.05.2021